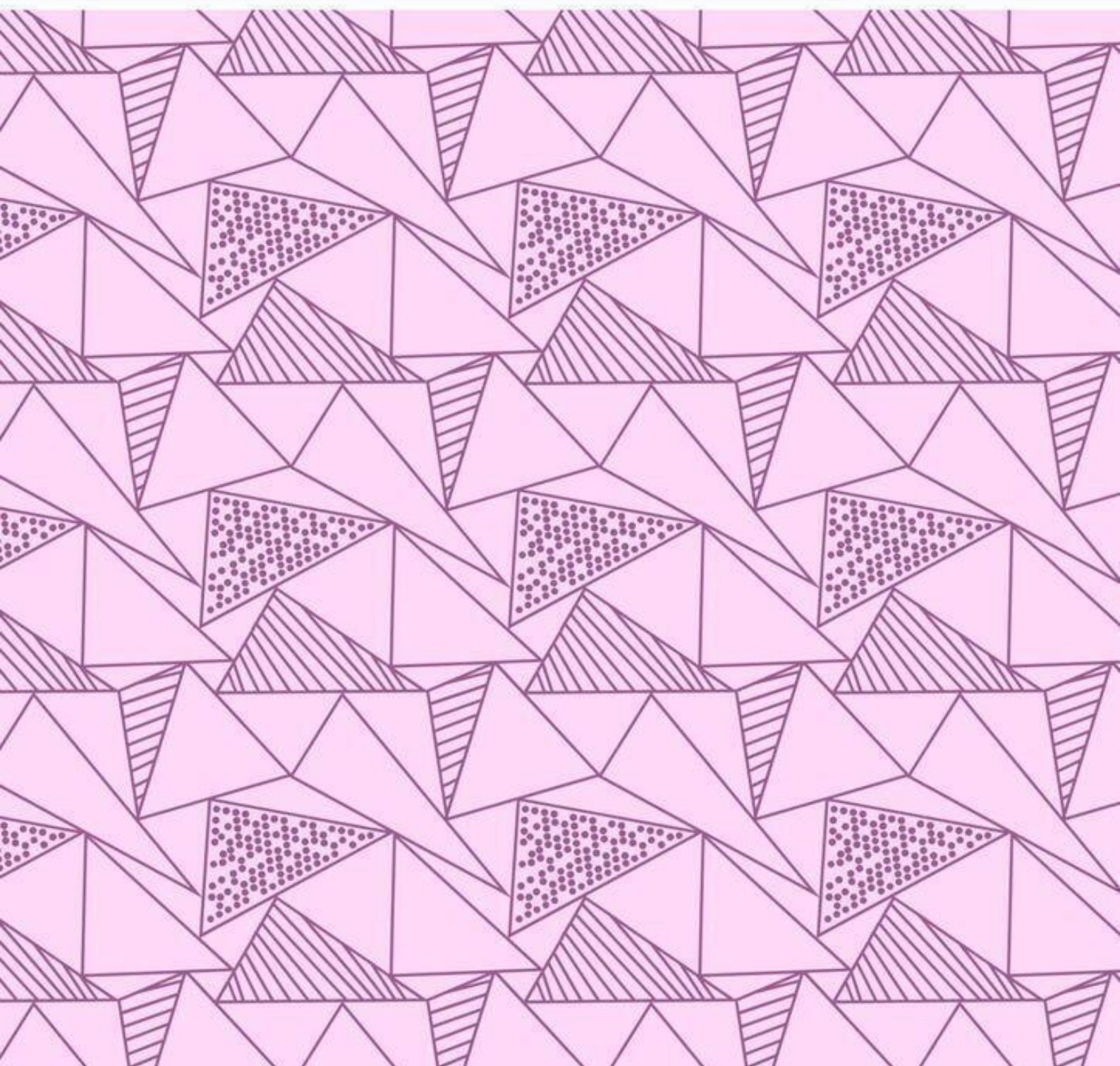

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

Манакоп. Арка 14

Юрий Драздов
Манакон. Арка 14

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 14 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Кай, бывший инквизитор жестокой Системы, ценой немыслимых усилий разрушил старый порядок. Но победа обернулась новой битвой — за то, чтобы удержать мир от хаоса. Отказавшись от единоличной власти, Кай и его соратники создают Конституцию, Трибунал и суд, способный судить даже своего создателя. На руинах восстанавливается не просто жизнь — рождается надежда. Пока враги сговариваются за стенами лагеря, в Пепельной Воронке происходят не менее важные сражения: суд над прошлым Кая.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Поиск преемника	6
Часть I. Неудобный трон	7
Часть I. Приготовления	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Манакон. Арка 14

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0801-3 (т. 14)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Поиск преемника

Часть I. Неудобный трон

1

Утро пятого дня после принятия Конституции началось не с холода, не с криков и не с дождя. Оно началось с тишины — той особой, звенящей тишины, которая воцаряется, когда большое событие уже произошло, а его последствия ещё не наступили. Люди в лагере просыпались медленно, неохотно, словно боясь, что новый день принесёт новую беду. Но беда не приходила. Приходило солнце — бледное, но упрямое, пробивающееся сквозь остатки туч, которые всё ещё висели над Пепельной Воронкой после недавней бури. Приходил ветер — холодный, но уже не ледяной, приносящий с севера запах мокрого камня и старой гари, к которому все давно привыкли. Приходила жизнь — та самая, обыденная, повседневная жизнь, о которой они так долго мечтали и которая теперь, когда наступила, казалась почти пугающей.

Кай проснулся на своём обычном месте — на обломке стены у фонтана, который за последние недели стал его постоянным ложем. Он не помнил, когда в последний раз спал в настоящей постели. Возможно, никогда. Возможно, настоящих постелей просто не существовало в этом мире, состоящем из руин, пепла и воспоминаний. Его каменная левая рука, как всегда по утрам, покоилась на груди мёртвым грузом. За ночь она остыла настолько, что ткань рубашки вокруг неё покрылась тонкой корочкой инея, которая сейчас, под первыми лучами солнца, начинала таять, оставляя на серой ткани влажные разводы. Боль в плече, тупая и ноющая, никуда не ушла, но Кай научился жить с ней — так же, как он научился жить со всем остальным. С памятью о Грегоре, чей золотистый барьер теперь навсегда отделял западный проулок от лагеря. С призраком Лины, чей сухой, аналитический голос всё ещё звучал в его голове в самые тёмные часы ночи. С грузом ответственности, который он добровольно сложил с себя пять дней назад на Общем Совете, но который всё ещё давил на плечи — невидимый, но от этого не менее тяжёлый.

Он сел и медленно, преодолевая утреннюю скованность в затёкших мышцах, оглядел площадь. Лагерь просыпался. Люди выбирались из-под рваных тентов, разводили костры, выстраивались в очередь к фонтану за утренней водой. Их движения были скованными, неуверенными, и в воздухе висела та особая, тревожная атмосфера, которая появляется, когда привычный порядок вещей рушится, а новый ещё не установлен. Пять дней назад они приняли Конституцию. Пять дней назад Кай отказался от поста Администратора. Пять дней назад они все — люди и аватары, воины и гражданские, старики и дети — в едином порыве проголосовали за новый порядок. А теперь они не знали, что с этим порядком делать. Потому что одно дело — принять закон, и совсем другое — заставить его работать. А для этого нужен был тот, кто возглавит исполнительную власть. Тот, кто станет Администратором. И вот уже пять дней этот вопрос оставался открытым, как незаживающая рана.

Кай думал об этом всё утро. Думал, глядя на воду в фонтане, которая всё ещё била из трещины в камне — чистая, холодная, живая. Думал, слушая обрывки разговоров, которые доносились до него с разных концов площади. Люди говорили о кандидатах. О том, кто должен стать новым лидером. О том, кто сможет заменить Кая. Но в их голосах не было уверенности — только тревога и сомнение. Потому что никто не знал, кто сможет занять это место. Место, которое Кай занимал не потому, что хотел, а потому, что так сложилось. Место, которое он теперь оставил пустым — не из слабости, а из принципа. Место, которое, как он начинал понимать, возможно, вообще не должно быть занято одним человеком.

— Ты опять не спал.

Голос Вейл прозвучал неожиданно близко, хотя Кай должен был ожидать его. Она всегда приходила в это время — на рассвете, когда лагерь ещё только просыпался и у них было несколько драгоценных минут тишины до того, как начнётся очередной бесконечный день. Её лицо, бледное и осунувшееся, было подсвечено тусклым светом портативного фонаря, который она держала в руке. Тёмные круги под глазами стали глубже и темнее — она тоже не спала, это было очевидно. Но в её глазах, двух человеческих глазах без всяких имплантов и линз, горел тот особый, холодный огонь, который появлялся у неё только в моменты наивысшего напряжения. Огонь аналитика, который видит проблему и уже просчитывает пути её решения.

— Ты тоже, — ответил Кай, и это была простая констатация факта.

— Я спала три часа, — возразила Вейл, опускаясь на обломок стены рядом с ним. — И то потому, что Дрейк буквально пригрозил запереть меня в подвале. Сказал, что даже судьи нуждаются в отдыхе. И что если я свалюсь от истощения, он будет судить меня по законам военного времени.

— Он может.

— Он может всё, что угодно, если решит, что это правильно. — Вейл слабо усмехнулась и потёрла виски. — Но сейчас не об этом. Кай, нам нужно поговорить. О Совете. О выборах. О том, что мы будем делать дальше.

— Я знаю, — ответил Кай. — Я думал об этом всё утро.

— И что ты надумал?

— Ничего хорошего. — Он повернулся к ней и встретил её взгляд. — Мы создали Конституцию, но мы не можем заставить её работать без Администратора. Совет не может собраться, законы не могут приниматься, решения не могут выполняться. Всё застыло в ожидании. А ожидание — это то, чего мы не можем себе позволить. Особенно сейчас.

Вейл кивнула и достала из кармана сложенный лист бумаги — тот самый, на котором были записаны основные положения Конституции. Она развернула его и провела пальцем по строкам.

— Статья двадцать седьмая: «Администратор избирается Советом из числа кандидатов, выдвинутых фракциями, и утверждается простым большинством голосов». Звучит просто. Но на практике это означает, что мы должны сначала определить, кто вообще может быть кандидатом, кто имеет право выдвигать, как будет проходить голосование, кто будет считать голоса, кто будет следить за честностью выборов... — Она замолчала и перевела дух. — И всё это нужно сделать сейчас, немедленно, потому что каждый день без Администратора ослабляет нас. Люди начинают сомневаться. Спрашивают, кто будет руководить восстановлением. Кто будет распределять ресурсы. Кто будет вести переговоры с другими убежищами. Ты отказался от власти, Кай, и это было правильное решение. Но природа не терпит пустоты. И люди — тоже.

— Я знаю, — повторил Кай. — Но я не могу стать Администратором. Я уже объяснял это. Если я займу этот пост сейчас, весь смысл Конституции будет потерян. Это будет означать, что мы просто сменили название — с «Нулевого Инквизитора» на «Администратора», — но суть осталась прежней. Один человек у власти. Один человек, от которого всё зависит. Я не хочу этого. Я устал от этого. И, честно говоря, я не уверен, что справлюсь.

Вейл долго молчала, обдумывая его слова. Затем она медленно, словно каждое слово давалось ей с огромным трудом, произнесла:

— Я знаю, что ты не хочешь. И я уважаю это. Но проблема в том, что никто другой тоже не хочет. Или хочет, но по неправильным причинам. — Она замолчала и посмотрела на Кая с выражением, которое трудно было расшифровать. — За последние два дня ко мне приходили несколько человек. Все они говорили, что готовы «взять на себя бремя лидерства». Но когда я начинала задавать им вопросы — о том, как они планируют распределять ресурсы, как они будут строить отношения с аватарами, как они собираются готовиться к следующей атаке «Внешних», — они либо не могли ответить, либо отвечали так, что мне становилось страшно. Один из них, например, предложил «временно ограничить права пробуждённых до тех пор, пока они не докажут свою лояльность». Другой заявил, что нам нужно «восстановить тарификацию маны, но в более мягкой форме». Третий вообще не понимал, зачем нужен Совет, и предлагал «упростить систему».

Кай почувствовал, как его каменная левая рука сжимается в кулак. Холод обсидиана стал почти обжигающим — верный признак того, что внутри него закипает ярость. Он знал, что такие люди существуют. Знал, что среди выживших были те, кто втайне тосковал по старым временам — по порядку, по определённости, по тому чувству защищённости, которое давала Система, даже если эта защищённость была иллюзией. Но слышать о том, что кто-то готов открыто предлагать вернуться к тарификации маны или ограничить права аватаров, было невыносимо. Словно все их жертвы — Лина, Грегор, Эзра, Корвус, тысячи других — были напрасны. Словно люди, ради которых они боролись, так ничему и не научились.

— Кто эти люди? — спросил он, и его голос прозвучал низко и угрожающе.

— Неважно, — ответила Вейл, качая головой. — Важно то, что они существуют. И если мы не найдём правильного кандидата — или правильную структуру, — кто-то из них может прийти к власти. Не сейчас. Не сразу. Но постепенно, шаг за шагом, под предлогом «наведения порядка» или «обеспечения безопасности». И тогда... тогда всё, что мы построили, рухнет.

Кай глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться. Вейл была права — как всегда. Её способность видеть на несколько шагов вперёд, просчитывать риски и угрозы, была одной из главных причин, по которой они выжили. И сейчас, в этот серый, неопределённый период, её голос был нужен больше, чем когда-либо.

— Хорошо, — произнёс он. — Тогда давай начнём с самого начала. Кто вообще может рассматриваться как кандидат? Какие у нас есть варианты?

Вейл достала из кармана ещё один лист — на этот раз исписанный мелким, убористым почерком. Это был список имён, составленный, судя по пометкам на полях, за последние несколько дней.

— Я провела небольшой анализ, — сказала она, и в её голосе прозвучала та особая, деловая интонация, которая всегда появлялась у неё, когда она переходила к конкретным данным. — Если отбросить явных безумцев и тех, кто просто хочет власти ради власти, у нас есть примерно пять-шесть реальных кандидатур. Но у каждой из них есть серьёзные недостатки.

— Давай по порядку.

— Первая кандидатура — Бирма. — Вейл ткнула пальцем в первую строчку списка. — Она лидер одного из крупнейших убежищ, которое уцелело после «Форматирования». У неё есть опыт управления, она умеет распределять ресурсы, и её люди ей доверяют. Кроме того, она — одна из немногих, кто поддержал нас с самого начала, ещё до битвы за Купол. Она была на Общем Совете, она голосовала за Конституцию, она приняла аватаров. Всё это плюсы.

— Но? — спросил Кай, чувствуя, что сейчас последует.

— Но её стиль управления — авторитарный. Она привыкла командовать, а не советоваться. Её люди называют её «Железной Леди» — и не всегда с любовью. Она принимает решения быстро, но не всегда учитывает мнение других. Если она станет Администратором, есть риск, что она начнёт продавливать свои решения через Совет, игнорируя возражения. А это — прямой путь к конфликту.

— Согласен, — кивнул Кай. — Бирма — сильный лидер, но её сила может стать её слабостью. Кто следующий?

— Следующий — Ливий. — Вейл перевела палец на вторую строчку. — Ты его знаешь. Он один из тех магов-теоретиков, которые выжили после атаки «Внешних» на обсерваторию. Он блестящий учёный, разбирается в рунах, в магии, в энергии. Его знания могут быть бесценны для восстановления города. Но...

— Но он не политик, — закончил Кай.

— Именно. Он понятия не имеет, как общаться с людьми. Когда я говорила с ним вчера, он предложил несколько весьма разумных идей по оптимизации распределения маны. Но когда я спросила его, как он планирует объяснить эти идеи людям — простым людям, которые не разбираются в теории магии, — он посмотрел на меня так, словно я спросила что-то совершенно абсурдное. Он сказал: «Зачем им объяснять? Если решение правильное, они должны просто выполнять его». — Вейл поморщилась. — Он не понимает, что люди — не автоматы. Что им нужны не просто приказы, а понимание. Что без доверия никакая система не будет работать.

— Он был бы хорошим советником, — задумчиво произнёс Кай. — Но не лидером. По крайней мере, не сейчас.

— Согласна. Третья кандидатура — Гурт.

Кай поднял брови. Гурт был тем самым шахтёром, который после смерти Лины возглавил толпу, требовавшую линчевать пленных Коллекторов. Кай помнил его — крупный мужчина с бычьей шеей и красным от ярости лицом, который держал в руке обломок доски и ритмично опуская его на спину безоружного пленника. Тогда Кай остановил его — не силой, а словом.

Он встал между толпой и Эраном и произнёс речь о том, что закон должен быть выше мести. И Гурт отступил. Позже, во время судов над Коллекторами, он стоял в толпе и молчал, и его лицо выражало сложную гамму эмоций, которые Кай так и не смог до конца расшифровать. А после битвы за Купол Гурт стал одним из самых активных добровольцев — он помогал восстанавливать баррикады, разносил продовольствие, ухаживал за ранеными. Он изменился — или, по крайней мере, пытался измениться. И теперь, судя по словам Вейл, он выдвигал свою кандидатуру.

— Гурт? — переспросил Кай. — Он хочет стать Администратором?

— Он говорит, что хочет «служить людям», — ответила Вейл, и в её голосе прозвучала тень сомнения. — Он говорит, что понял свои ошибки и теперь хочет искупить их. Он говорит, что простые люди — шахтёры, рабочие, крестьяне — нуждаются в своём представителе, который будет защищать их интересы. И в этом есть доля истины. Многие в лагере действительно поддерживают его. Он стал своего рода народным героем — человеком, который признал свою неправоту и пытается стать лучше. Но я не уверена, что он готов к этой должности.

— Почему?

— Потому что он не знает, как управлять. Совсем. Он умеет работать руками, он умеет вдохновлять людей, он умеет сражаться. Но он не умеет планировать, не умеет вести переговоры, не умеет принимать сложные решения, которые затрагивают тысячи людей. Если он станет Администратором, он будет вынужден полагаться на советников — а это значит, что реальная власть окажется в руках тех, кто будет рядом с ним. И неизвестно, кто эти люди. — Она замолчала и посмотрела на Кая. — Ты сам был таким, когда начинал. Ты не знал, как управлять. Но ты учился — на своих ошибках, на своих потерях, на своих победах. Гурт ещё не прошёл этот путь. И я не знаю, готов ли он пройти его сейчас, когда каждая ошибка может стоить жизнью.

Кай задумался. Вейл была права — как всегда. Он вспомнил себя несколько месяцев назад: молодого инквизитора, который выписывал штрафы за нелегальный «Подогрев супа» и верил, что Система справедлива. Если бы тогда ему сказали, что он станет лидером сопротивления, что он убьёт Архитектора, что он будет принимать законы и заключать союзы с бывшими монстрами, — он бы рассмеялся. Но жизнь заставила его измениться. И он изменился. Но этот процесс был долгим и мучительным. И он не был уверен, что Гурт готов к такому же пути.

— Кто ещё? — спросил он.

— Есть ещё несколько человек от небольших общин, — ответила Вейл. — Но у них нет достаточной поддержки. И есть... — она замолчала и перевела дух. — Есть ещё один вариант. Не кандидат. А идея. Идея, которую мне подсказал Итан.

— Итан?

— Да. Он был у меня вчера вечером. Мы говорили о том, как аватары видят своё место в новой структуре. И он сказал кое-что, что заставило меня задуматься. — Вейл посмотрела на Кая, и в её глазах горел тот особый, аналитический огонь, который появлялся у неё, когда она находила решение сложной проблемы. — Он сказал: «Мы не хотим, чтобы нами правил чело-

век. Но мы также не хотим, чтобы нами правил аватар. Мы хотим, чтобы нами правил закон. А закон не может быть одним человеком. Закон — это всегда больше, чем один человек».

Кай медленно кивнул. Слова Итана перекликались с его собственными мыслями — теми самыми, которые он обдумывал всё утро, сидя у фонтана. Он думал о том, почему Архитектор потерпел крах. Не потому, что он был злым — хотя он был злым. Не потому, что он был слабым — хотя в конце он был слабым. А потому, что он был один. Вся Система, вся эта гигантская машина по сбору магической энергии, держалась на одном человеке. И когда этот человек умер, всё рухнуло. Если они хотят построить нечто долговечное, они не могут повторить эту ошибку. Они должны создать систему, которая не зависит от одного лидера. Систему, в которой власть распределена. Систему, в которой даже если один элемент выйдет из строя, остальные продолжают работать.

— Коллегиальный орган, — тихо произнёс он, и это был не вопрос.

— Да, — ответила Вейл. — Не один Администратор, а несколько. Три человека, представляющие разные ветви общества. Они принимают решения вместе, большинством голосов. Никто из них не имеет абсолютной власти. Никто из них не может стать тираном.

— Это сложнее.

— Да.

— Это медленнее.

— Да.

— Это вызовет споры и конфликты.

— Да, и ещё какие. — Вейл слабо усмехнулась. — Дрейк будет в ярости. Он скажет, что это «бюрократия, которая погубит нас всех».

— Скажет, — согласился Кай. — Но он также скажет, что это лучше, чем диктатура. Потому что он умнее, чем хочет казаться.

Они замолчали, глядя на воду в фонтане. Солнце поднялось выше, и его лучи, пробиваясь сквозь тучи, отражались в воде, создавая причудливую игру света и тени. Где-то вдалеке слышались голоса людей — обычные, будничные голоса, которые обсуждали запасы продовольствия, ремонт баррикад, здоровье раненых. Жизнь продолжалась. И это было самое главное.

— Мы должны обсудить это с Советом, — произнёс наконец Кай. — Со всеми. С Дрейком, с Итаном, с Вернером, с Бирмой. Это не может быть решением двух человек. Это должно быть решением всех.

— Я знаю, — ответила Вейл. — Я уже разослала приглашения. Экстренное заседание через час.

Кай посмотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на надежду. Не ту надежду, которая была абстрактным принципом, записанным в Кодексе. А кон-

кретную, осязаемую надежду на то, что они справятся. Что они найдут правильное решение. Что их путь, каким бы трудным он ни был, ведёт к чему-то лучшему.

— Ты невозможный человек, Вейл, — произнёс он, и в его голосе прозвучала тень старой, знакомой усмешки.

— Я знаю, — ответила она, поднимаясь на ноги. — Я училась у лучших.

2

Экстренное заседание Совета началось ровно через час, как и обещала Вейл. Местом выбрали не штаб — штаб был слишком мал для того количества людей, которое должно было присутствовать, — а центральную площадь у фонтана. Тот самый фонтан, который стал свидетелем стольких событий за последние недели: первых форумов, судов над Коллекторами, похорон Лины, принятия Конституции. Теперь он должен был стать свидетелем ещё одного исторического решения — возможно, самого важного из всех.

Собрались все, кто имел право голоса. Дрейк, чьё лицо, покрытое шрамами, было мрачным и напряжённым — он уже слышал от Вейл о предложении создать коллегиальный орган и, судя по выражению его лица, ещё не решил, как к этому относиться. Итан, чьё тело, покрытое хитиновыми пластинами, двигалось с той особой, неестественной плавностью, которая была свойственна всем пробуждённым аватарам. Вернер, который, преодолевая боль в раненом боку, пришёл сюда, потому что считал это своим долгом. Бирма, чьё лицо, грубое и обветренное, выражало сосредоточенность и настороженность — она знала, что её кандидатура обсуждается, и не была уверена, хорошо это или плохо. Арик, чья левая рука всё ещё была немного длиннее правой после контакта с «Искажающим», но кто упорно отказывался покидать пост и продолжал выполнять свои обязанности. Томас и Элиас, державшиеся за руки, как всегда в минуты тревоги. Несколько представителей от других убежищ — те, кто прибыл в лагерь за последние дни, чтобы участвовать в формировании новой власти. И, конечно, Шнырь, сидевший в первом ряду, с перевязанной левой рукой и жетоном «ПАМЯТЬ», сжатым в правой ладони.

Кай открыл заседание. Он встал у фонтана — не на ящик, как раньше, а просто стоя, на одном уровне со всеми, — и обвёл взглядом собравшихся. Его голос, сорванный и хриплый, разнёсся над площадью.

— Мы собрались здесь, чтобы решить самый важный вопрос из всех, которые стояли перед нами с момента падения Системы. Вопрос о том, кто будет управлять. Кто будет принимать решения. Кто будет нести ответственность за всех нас. — Он замолчал и перевёл дух. — Пять дней назад я отказался от поста Администратора. Я сделал это не потому, что не хотел служить вам. Я сделал это потому, что верю: настоящий лидер — это не тот, кто держит власть в своих руках, а тот, кто создаёт систему, в которой власть принадлежит всем. Но система, которую мы создали, не может работать без Администратора. И сегодня мы должны решить, кто займёт этот пост — или как этот пост должен быть изменён.

Он сделал паузу, давая людям осмыслить его слова. Затем он кивнул Вейл, и та вышла вперёд с листом бумаги в руках.

— За последние несколько дней я провела анализ возможных кандидатур, — начала она, и её голос, сухой и деловой, разнёсся над площадью. — Я говорила с каждым из потенциальных кандидатов. Я задавала им вопросы — о том, как они видят будущее, как они планируют управлять, как они собираются решать проблемы, стоящие перед нами. И на основе этих разговоров я составила список. — Она подняла лист так, чтобы все могли его видеть. — В этом списке пять имён. Каждый из этих людей имеет свои сильные стороны. И каждый из них имеет свои недостатки.

Она начала зачитывать. Первым было имя Бирмы. Когда оно прозвучало, по толпе пробежал шёпот. Бирма, сидевшая в первом ряду, выпрямилась и встретила взгляды людей с холодным, невозмутимым спокойствием. Вейл перечислила её достоинства: опыт управления, жёсткость, дисциплина, умение распределять ресурсы. Затем она перечислила её недостатки: склонность к авторитаризму, нежелание советоваться, отсутствие гибкости. Бирма слушала молча, и её лицо не выражало никаких эмоций. Только когда Вейл закончила, она медленно поднялась на ноги и попросила слова.

— Я не буду отрицать то, что сказала обо мне судья Вейл, — произнесла она, и её голос, низкий и скрипучий, разнёсся над площадью. — Я действительно привыкла командовать. Я действительно принимаю решения быстро и не всегда советуюсь с другими. Но я делаю это не потому, что мне нравится власть. Я делаю это потому, что в моём убежище, до того как мы присоединились к вам, каждое промедление могло стоить жизни. Каждое лишнее обсуждение, каждое голосование, каждый спор — всё это время, которого у нас не было. И я не уверена, что сейчас, когда «Внешние» всё ещё угрожают нам, мы можем позволить себе роскошь долгих прений. — Она замолчала и обвела взглядом собравшихся. — Я не прошу вас выбирать меня. Я просто хочу, чтобы вы понимали: власть — это не привилегия. Это бремя. И я готова нести это бремя, если вы мне доверите. Но если вы считаете, что есть кто-то более достойный, — я приму это. Потому что я, как и все здесь, верю в закон.

Она села. По толпе пробежал одобрительный гул. Дрейк, сидевший рядом с Каем, наклонился к нему и тихо произнёс:

— Она сильный лидер. С ней можно работать.

— Можно, — согласился Кай. — Но вопрос в том, готова ли она работать с другими. Не командовать, а именно работать. Как равная с равными.

Дрейк задумался и не ответил.

Вейл продолжила зачитывать список. Имя Ливия вызвало смешанную реакцию: люди, знавшие его как учёного, уважали его знания, но те, кто сталкивался с ним лично, помнили его высокомерие и неспособность общаться с простыми людьми. Когда Вейл упомянула его предложение «сократить пайки для неэффективных элементов», по толпе пробежал возмущённый ропот. Ливий, сидевший в дальнем ряду, побледнел и опустил голову, но не попытался оправдываться. Кай заметил это и почувствовал к нему что-то похожее на сочувствие. Ливий был умён. Он мог бы быть полезен. Но он не был лидером. И он, кажется, сам начинал это понимать.

Имя Гурта вызвало бурную реакцию. Когда оно прозвучало, часть толпы разразилась аплодисментами, а другая часть — возмущёнными криками. Гурт, сидевший в центре пло-

щади, встал и поднял руку, призывая к тишине. Его лицо, грубое и обветренное, выражало смущение и решимость одновременно.

— Я знаю, что многие из вас помнят, кем я был, — произнёс он, и его голос, низкий и хриплый, разнёсся над площадью. — Я был тем, кто требовал крови. Я был тем, кто хотел линчевать пленных. Я был тем, кто думал, что месть — это справедливость. И я благодарен господину Каю за то, что он остановил меня тогда. Потому что если бы он этого не сделал, я бы стал убийцей. Я бы стал тем, с кем мы боремся. — Он замолчал и перевёл дух. — С тех пор я много думал. Я смотрел на то, как работает наш закон. Я видел, как судят преступников — справедливо, а не жестоко. Я видел, как аватары сражаются рядом с нами — не как монстры, а как братья. И я понял, что ошибался. Я понял, что сила — это не кулаки. Сила — это умение прощать. Умение слушать. Умение строить.

Он повернулся к Каю и встретил его взгляд.

— Я не учёный, как господин Ливий. Я не командир, как госпожа Бирма. Я простой шахтёр. Но я знаю, что значит терять близких. Я знаю, что значит бояться завтрашнего дня. И я знаю, что значит надеяться. Если вы выберете меня, я обещаю вам одно: я буду слушать. Я буду слушать каждого из вас — не только сильных, не только влиятельных, но и простых людей. Тех, кто работает руками. Тех, кто растит детей. Тех, кто боится. Потому что их голос тоже важен. Может быть, даже важнее, чем голос политиков.

Он сел. На этот раз аплодисментов было больше. Даже те, кто до этого сомневался, смотрели на него с уважением. Кай видел, что Гурт действительно изменился. Он всё ещё был неотёсанным, всё ещё неопытным, всё ещё не готовым к сложным политическим играм. Но он был искренним. И эта искренность подкупала больше, чем любые обещания.

Вейл продолжила зачитывать список. Остальные имена — представителей небольших общин — не вызвали такого интереса. У них не было достаточной поддержки, и это было очевидно. Когда Вейл закончила, над площадью воцарилась тишина. Люди переглядывались, перешёптывались, но никто не решался выступить первым.

И тогда слово взял Итан.

Он поднялся — медленно, с той особой, неестественной плавностью, которая была свойственна всем пробуждённым аватарам, — и вышел в центр площади. Его хитиновый панцирь тускло блестел в свете солнца. Его серые, человеческие глаза смотрели на толпу с выражением, которое трудно было расшифровать. Не ненависть. Не страх. А что-то, похожее на горькую, выстраданную мудрость.

— Я слушал вас, — произнёс он, и его голос, низкий и хриплый, разнёсся над площадью. — Я слушал вас всех. Госпожу Бирму, которая говорит о порядке и дисциплине. Господина Ливия, который говорит о знаниях и эффективности. Господина Гурта, который говорит о простых людях и надежде. Все вы говорите правильные слова. Все вы хотите лучшего будущего. Но все вы — люди. — Он замолчал и обвёл взглядом собравшихся. — Я не говорю это как оскорбление. Я говорю это как констатация факта. Вы — люди. И вы привыкли к тому, что власть — это человек. Что лидер — это тот, кто стоит впереди. Тот, кто командует. Тот, кто несёт ответственность.

Он повернулся к Каю.

— Когда Инквизитор Кай впервые пришёл в Долину Отверженных, я хотел убить его. Я хотел убить его за всё, что Система сделала со мной и с моим народом. Но он не испугался. Он говорил со мной как равный. И он предложил нам не милость, а справедливость. Он дал нам права. Он записал эти права в Кодексе. Он обещал нам, что мы больше никогда не будем рабами. И он сдержал своё слово. — Итан замолчал и перевёл дух. — Но теперь он отказывается от власти. И многие из вас боятся этого. Вы думаете: «Если Кай не будет править, кто защитит нас? Кто примет правильные решения? Кто поведёт нас в бой?» И вы начинаете искать нового лидера. Нового человека, который займёт его место. Но я скажу вам вот что: это ошибка.

Он указал на Кодекс, который лежал на ящике перед ним.

— Мы сражались не за то, чтобы сменить одного хозяина на другого. Мы сражались за то, чтобы хозяев не было вообще. Мы сражались за закон. За право голоса. За право быть услышанными. И если мы сейчас выберем одного человека и отдадим ему всю власть, мы предадим всё, за что боролись. Даже если этот человек будет самым лучшим, самым мудрым, самым справедливым — он всё равно останется человеком. А люди ошибаются. Люди устают. Люди умирают. Что будет, когда этот человек умрёт? Мы снова будем искать нового лидера? И снова? И снова? Пока однажды не найдём того, кто скажет: «Я знаю, как лучше. Доверьтесь мне». И мы доверимся — потому что привыкнем доверять. И тогда родится новый Архитектор.

По толпе пробежал холодок. Даже Дрейк, который до этого сидел мрачный и настороженный, подался вперёд, словно слова Итана заделали что-то глубоко внутри него.

— Мы, пробуждённые аватары, знаем цену тирании, — продолжил Итан, и его голос стал жёстче. — Мы были созданы ею. Мы были её орудиями. Мы убивали, не осознавая этого. И мы не хотим снова стать рабами — ни Системы, ни человека, ни кого бы то ни было. Поэтому мы не поддержим ни одного кандидата, который будет обладать всей полнотой власти. Мы не присягнём одному человеку. Мы присягнули закону. И только закону.

Он повернулся к Каю и встретил его взгляд.

— Инквизитор Кай предложил идею. Идею, которую я считаю единственно правильной. Идею о том, что власть должна быть разделена. Что не должно быть одного Администратора. Их должно быть несколько. Три человека, представляющие разные части нашего общества. Они будут принимать решения вместе. Никто из них не будет главным. Никто из них не сможет узурпировать власть. Они будут подчиняться Совету. Они будут подчиняться Кодексу. Они будут подчиняться закону — так же, как все мы. — Он замолчал и обвёл взглядом толпу. — Это сложнее. Это медленнее. Это потребует от нас терпения и доверия друг к другу. Но это — единственный способ построить общество, которое не рухнет, когда умрёт его лидер.

Итан сел. Тишина на площади была такой глубокой, что было слышно, как капает вода в фонтане. Кай видел, как люди переглядываются, перешёптываются, пытаются осмыслить услышанное. Идея коллегиального органа была радикальной. Она шла вразрез со всем, чему их учила Система. Она требовала от них переосмыслить само понятие власти. Но в словах Итана была правда — та самая, которую они все чувствовали интуитивно, но не могли сформулировать.

Первым молчание нарушил Дрейк.

Он встал — медленно, с той особой, тяжёлой грацией, которая была свойственна бывшему аватару, — и вышел в центр площади. Его лицо, покрытое шрамами, было мрачным и задумчивым. Он долго молчал, глядя на толпу, и когда наконец заговорил, его голос прозвучал низко и напряжённо.

— Я солдат, — начал он. — Я привык к порядку. К дисциплине. К тому, что командир отдаёт приказ, а подчинённые его выполняют. Когда Кай сказал мне, что хочет отказаться от власти, я был в ярости. Я думал, что он сошёл с ума. Что он предаёт нас. Что без сильного лидера мы развалимся. — Он замолчал и перевёл дух. — Но потом я подумал о том, через что мы прошли. О том, как Система разрушила наши жизни. Как Архитектор, человек, который должен был защищать нас, превратился в чудовище. И я понял: проблема была не в Архитекторе. Проблема была в том, что никто не мог его остановить. Никто не мог сказать ему: «Нет, ты неправ». Никто не мог оспорить его решения. И поэтому, когда он перешёл черту, некому было вернуть его обратно.

Он повернулся к Каю и встретил его взгляд.

— Кай не стал Архитектором, потому что у него были мы. Потому что Вейл спорила с ним, когда он ошибался. Потому что Лина говорила ему правду, даже когда это было неудобно. Потому что я был готов пойти против него, когда он чуть не перешёл черту. У него были сдержки и противовесы. И именно это спасло его — и нас. — Дрейк повернулся к толпе. — Теперь он хочет создать систему, в которой такие сдержки будут встроены в саму структуру власти. Не три человека, которые будут бороться друг с другом. А три человека, которые будут уравнивать друг друга. Как три ножки у табурета. Уберите одну — и табурет упадёт. Но с тремя он стоит крепко.

Он замолчал и скрестил руки на груди.

— Я не доверяю политикам. Я не доверяю бюрократии. Но я доверяю Каю. И если он говорит, что это правильный путь, я поддержу его. Но с одним условием. — Он обвёл взглядом площадь. — Если среди этих троих будет тот, кто попытается узурпировать власть, — я лично приду за ним. И тогда это будет разговор не политиков. Это будет разговор солдата. Всем понятно?

По толпе пробежал нервный смешок, но в глазах людей читалось уважение. Дрейк был грозен, но он был справедлив. И его слова, грубые и прямые, как всегда, достигали цели лучше, чем любые красивые речи.

Кай поднялся и встал рядом с Дрейком.

— Мы выслушали всех, — произнёс он. — Мы обсудили кандидатов. Мы обсудили идеи. Теперь пришло время принимать решение. — Он обвёл взглядом собравшихся. — Я предлагаю создать коллегиальный орган исполнительной власти. Три человека. Три консула, которые будут принимать решения вместе, большинством голосов. Один будет представлять людей — их интересы, их нужды, их голос. Второй будет представлять пробуждённых аватаров — тех, кто был создан Системой, но теперь свободен и равен с нами. Третий будет представлять убежища и магов — тех, кто живёт за пределами Пепельной Воронки, но кто является частью

нашего общества. Это будет не триумвират вечных правителей. Консулы будут избираться на ограниченный срок. Они будут отчитываться перед Советом. Они будут подчиняться Кодексу. Они не будут иметь права принимать единоличные решения, затрагивающие жизни всех нас. И если кто-то из них попытается нарушить эти правила, он будет отстранён — Советом, Инквизицией или, если потребуется, силой.

Он замолчал и оглядел площадь. Люди слушали, затаив дыхание. Некоторые кивали, некоторые хмурились, но никто не выкрикивал. Они ждали. Они хотели услышать всё до конца.

— Теперь о кандидатах, — продолжил Кай. — После всего, что мы услышали, я предлагаю следующие кандидатуры. В консулы от людей — Вернер.

Имя Вернера вызвало волну удивлённого шёпота. Сам Вернер, сидевший в первом ряду, замер, и его лицо побледнело. Он явно не ожидал этого.

— Вернер не политик, — пояснил Кай. — Он техник. Он аналитик. Он человек, который знает, как работают системы — не только магические, но и социальные. Он был правой рукой Лины. Он помогал нам планировать оборону, распределять ресурсы, лечить раненых. Он компетентен. Он спокоен. Он не рвётся к власти. И именно поэтому он — лучший кандидат. Потому что лучший лидер — это не тот, кто хочет власти, а тот, кто готов взять её на себя как бремя. Как долг. Как служение.

Вернер медленно поднялся. Его лицо было бледным, но его глаза, воспалённые от недосыпа, смотрели на Кая с выражением, которое трудно было расшифровать. Не страх. Не гордость. А скорее... принятие. Принятие того, что его жизнь снова меняется — и он не может отказаться.

— Я не просил этого, — тихо произнёс он, и его голос, дрожащий и неуверенный, разнёсся над площадью. — Я никогда не хотел быть лидером. Я хотел только одного: чинить то, что сломано. Будь то магический сенсор, или сломанная нога, или разрушенная баррикада. Я — техник. Это всё, что я умею. — Он замолчал и перевёл дух. — Но если вы считаете, что я могу быть полезен, я не откажусь. Я буду служить. По мере своих сил. По мере своих знаний. По мере своей совести.

Он сел. Аплодисменты были сдержанными, но искренними. Люди уважали Вернера. Они знали его как человека, который никогда не отказывал в помощи, никогда не жаловался, никогда не ставил свои интересы выше интересов других. Он был не героем, а тружеником. И в этом была его сила.

— В консулы от пробуждённых аватаров, — продолжил Кай, — я предлагаю Итана.

На этот раз аплодисменты были громче. Итан, который всё ещё стоял в центре площади, медленно склонил голову — жест, который у аватаров заменял поклон. Его серые глаза, человеческие и живые, смотрели на Кая с выражением глубокой, выстраданной благодарности.

— Я принимаю, — произнёс он, и его голос прозвучал низко и твёрдо. — Не как награду. Не как власть. А как долг перед моим народом и перед всеми, кто верит в наш союз.

— И в консулы от убежищ и магов, — закончил Кай, — я предлагаю Бирму.

Бирма, сидевшая в первом ряду, поднялась. Её лицо, грубое и обветренное, было непроницаемым. Она долго молчала, глядя на Кая, и в этом взгляде читалась борьба эмоций. Затем она медленно, словно каждое слово давалось ей с огромным трудом, произнесла:

— Ты предлагаешь мне разделить власть. С техником и с аватаром. Ты предлагаешь мне не командовать, а сотрудничать. Ты предлагаешь мне не быть лидером, а быть частью целого. — Она замолчала, и уголки её губ дрогнули в слабой, едва заметной усмешке. — Знаешь, Инквизитор, несколько недель назад я бы сочла это оскорблением. Но сейчас... сейчас я понимаю. Я сражалась с вами. Я видела, как аватары умирали за этот лагерь. Я видела, как Вернер работал до изнеможения, чтобы спасти раненых. Я видела, как ты, Кай, отказался от мести и выбрал закон. И я поняла: сила — это не власть. Сила — это умение работать вместе. — Она выпрямилась и обвела взглядом площадь. — Я принимаю. Я буду служить. Не как хозяйка, а как часть команды. И пусть Кодекс будет мне судьёй, если я нарушу это слово.

Площадь взорвалась аплодисментами. Люди кричали, хлопали, обнимали друг друга. Даже Дрейк, стоявший в стороне, несколько раз хлопнул в ладони — скупое, сдержанное, но хлопнул. Шнырь, сидевший в первом ряду, вскочил и, забыв о раненой руке, замахал обеими руками, и его лицо сияло от радости. А Кай стоял у фонтана и смотрел на всё это, и в его груди, где уже давно поселилась только пустота и холод, медленно разгоралось тепло. Не яркое, не обжигающее, а тихое, ровное, спокойное. Как огонь в очаге, который согревает, но не обжигает.

3

Вечером, когда солнце начало клониться к закату и площадь опустела, Кай сидел у фонтана. Рядом с ним, как всегда в такие моменты, был Шнырь. Мальчишка — теперь уже юноша — сидел молча, вертя в пальцах свой жетон. Тот самый, с надписью «ПАМЯТЬ».

— Господин Кай, — тихо произнёс он наконец, и его голос, тонкий и мальчишеский, прозвучал в тишине как-то по-взрослому серьёзно. — Вы сделали это. Вы создали... как это называется? Трибунат?

— Трибунат, — подтвердил Кай. — Так предложила назвать это Вейл. Она где-то вычитала это слово в старых книгах Первых Магов. Там, где они описывали свои структуры власти. Три человека, избираемые народом, которые правят вместе. Она сказала, что это хороший знак — использовать слова из прошлого, которые не были испорчены Системой.

— Мне нравится, — кивнул Шнырь. — Это звучит... правильно. Не как «Император» или «Архитектор». А как что-то, что принадлежит всем.

— Именно так.

Они замолчали. Вода в фонтане тихо журчала, и этот звук, такой простой и привычный, казался сейчас почти волшебным. Где-то вдалеке слышались голоса людей — они обсуждали прошедшее собрание, спорили о кандидатах, строили планы на будущее. Жизнь продолжалась. И это было самое главное.

— А что теперь будете делать вы? — спросил Шнырь, поворачиваясь к Каю. — Консулы будут править. Совет будет принимать законы. Инквизиция будет защищать Кодекс. А вы? Вы больше не Администратор. Вы больше не лидер. Кем вы будете?

Кай долго молчал, обдумывая его вопрос. Он думал о том, что сказал сегодня на собрании. О том, что он — Инквизитор. Что его дело — защищать закон, а не стоять над ним. О том, что он хочет вернуться к тому, с чего начинал, — к патрулям, к защите простых людей, к работе, которую он умеет делать лучше всего. Но сейчас, сидя у фонтана и глядя на отражение звёзд в воде, он понимал, что это не совсем так. Что он уже никогда не будет прежним Каем — тем молодым инквизитором, который выписывал штрафы за нелегальный «Подогрев супа» и верил, что Система справедлива. Слишком многое изменилось. Слишком многое было потеряно. Слишком многое было обретено.

— Я буду тем, кем всегда был, — ответил он наконец. — Тем, кто стоит на страже. Тем, кто защищает тех, кто не может защитить себя сам. Тем, кто следит, чтобы закон работал. Не как начальник. Не как судья. А как... как патрульный. Как инквизитор — но не в старом смысле этого слова, а в новом. В том, который мы создали вместе.

— Инквизитор, — повторил Шнырь, пробуя это слово на вкус. — Мне нравится. Это звучит гордо. Как защитник. Как страж.

— Надеюсь, — ответил Кай. — Надеюсь, что когда-нибудь это слово перестанет пугать людей. Когда-нибудь оно будет означать не страх, а справедливость. Не насилие, а защиту. Не тиранию, а закон. Но для этого потребуется время. Много времени. Возможно, больше, чем у нас есть.

Шнырь посмотрел на него и улыбнулся.

— У нас есть время, господин Кай. У нас теперь есть будущее. А значит, есть и время.

Кай не ответил. Он смотрел на звёзды, которые начали появляться на темнеющем небе, и думал о том, что сказал Шнырь. Будущее. Это слово, которое ещё несколько недель назад казалось пустым звуком. Будущее, которого у них не было — потому что каждый день мог стать последним. Будущее, ради которого они сражались и умирали. Теперь оно наступило. Не идеальное. Не безоблачное. Но их собственное.

4

На следующее утро состоялось первое заседание Трибуната. Оно прошло не в штабе, не в подвале, не в каком-то специальном здании — у них пока не было специального здания. Оно прошло прямо на центральной площади, у фонтана, в присутствии всех, кто хотел присутствовать. Потому что новая власть, как настоял Кай, должна быть открытой. Прозрачной. Подотчётной. Никаких секретных совещаний. Никаких тайных решений. Всё на виду у людей.

Вернер, Итан и Бирма сидели на ящиках, расставленных полукругом. Перед ними, на импровизированном столе, лежал Кодекс — та самая книга, которую Лина спасла ценой своей жизни. Рядом с Кодексом лежал лист бумаги с текстом присяги, которую они должны были произнести. И вокруг них, заполнив площадь до отказа, стояли люди. Те самые люди, которые ещё недавно боялись завтрашнего дня, а теперь с надеждой смотрели на своих новых лидеров.

Кай стоял в стороне, у фонтана, и наблюдал. Его каменная левая рука висела мёртвым грузом, но он почти не замечал этого. Его внимание было приковано к трём фигурам в центре площади. К Вернеру, который нервно теребил край своей мантии. К Итану, чьё тело, покрытое хитиновыми пластинами, двигалось с неестественной плавностью. К Бирме, чьё лицо, грубое и обветренное, выражало спокойную, суровую решимость.

Вейл, как главный судья, зачитала текст присяги. Её голос, сухой и чёткий, разносился над площадью, и каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

— Клянётесь ли вы соблюдать и защищать Конституцию Свободных Общин? — спросила она, глядя на троих консулов.

— Клянусь, — произнёс Вернер, и его голос, тихий и дрожащий, прозвучал искренне и неуверенно одновременно.

— Клянусь, — произнёс Итан, и его голос, низкий и хриплый, прозвучал как обещание, высеченное в камне.

— Клянусь, — произнесла Бирма, и её голос, грубый и твёрдый, прозвучал как клятва солдата перед боем.

— Клянётесь ли вы подчиняться решениям Совета и действовать только в рамках закона? — продолжила Вейл.

— Клянусь.

— Клянусь.

— Клянусь.

— Клянётесь ли вы служить всем разумным — людям и пробуждённым аватарам — без страха и без предпочтений?

— Клянусь.

— Клянусь.

— Клянусь.

— Тогда, властью, данной мне Советом и Кодексом, я объявляю вас избранными консулами Исполнительного Трибуната. Да направит вас закон. Да хранит вас память павших. Да будет ваше правление справедливым.

Площадь взорвалась аплодисментами. Люди кричали, хлопали, обнимали друг друга. Даже те, кто ещё вчера сомневался, сегодня улыбались. Потому что они видели: что-то изменилось. Что-то важное. Что-то, что нельзя было отменить.

Кай смотрел на это и чувствовал, как внутри него медленно, неохотно разжимается тот холодный узел, который сжимал его сердце все последние недели. Он передал власть. Он создал систему, которая не зависит от него. Он сделал то, что обещал Лине, Грегору, Эзре, Корвусу, всем, кто погиб, — он построил нечто, что переживёт его.

Шнырь, стоявший рядом, потянул его за рукав.

— Господин Кай, смотрите! — прошептал он, указывая на трёх консулов. — Они начинают работать!

Кай посмотрел. Вернер, Итан и Бирма уже склонились над каким-то списком — судя по всему, распределением стройматериалов для восстановления восточного сектора. Вернер что-то объяснял, водя пальцем по листу. Итан задавал вопросы — короткие, точные, по делу. Бирма хмурилась и вносила поправки. Они спорили. Негромко, сдержанно, но спорили. И это было прекрасно. Потому что они спорили не ради власти, а ради дела.

— Спорят, — усмехнулся Кай. — Как мы с Дрейком когда-то.

— Они будут ругаться, как вы с господином Дрейком? — спросил Шнырь с лёгкой тревогой.

— Да, — ответил Кай. — Но теперь это их работа, а не моя. И это хорошо.

Шнырь задумался на мгновение, а потом улыбнулся.

— Значит, теперь вы можете отдыхать? Спать по ночам? Не думать всё время о том, как всех спасти?

Кай посмотрел на него и слабо усмехнулся.

— Я попробую. Но ничего не обещаю.

Они стояли у фонтана и смотрели, как три консула продолжают свой первый спор. Солнце поднималось всё выше, заливая площадь ярким, почти весенним светом. Где-то на севере, за разрушенным Куполом, всё ещё клубилась тьма. «Внешние» всё ещё ждали. Цикл всё ещё не был остановлен. Война была далека от завершения. Но сейчас, в это утро, здесь, у фонтана, жизнь продолжалась. И это было самое главное.

Кай повернулся и медленно, преодолевая боль в каменной руке, направился к выходу из лагеря. Ему нужно было подумать. Нужно было побыть одному. Нужно было посетить одно место, которое он не посещал уже слишком давно.

Золотистый барьер на западном проулке встретил его тишиной. Он стоял перед ним — перед этим полупрозрачным, переливающимся свечением, которое навсегда отделило мир живых от места последней битвы Грегора. Кай положил свою каменную левую руку на поверхность барьера и закрыл глаза. Холод обсидиана встретился с теплом золотистого света, и на мгновение ему показалось, что он чувствует биение сердца. Медленное, ровное, спокойное. Словно Грегор и после смерти продолжал стоять на страже.

— Мы сделали это, старый друг, — тихо произнёс Кай. — Мы создали Трибунат. Три человека, которые будут править вместе. Никто из них не станет Архитектором. Никто из них не сможет узурпировать власть. Закон теперь выше любого лидера. — Он замолчал и перевёл дух. — Ты бы гордился нами. Лина бы гордилась. Все, кто погиб, — они бы гордились. Я знаю это.

Барьер не ответил. Он просто продолжал светиться — ровно, спокойно, вечно.

Кай убрал руку и повернулся, чтобы уйти. Но перед этим он остановился и, глядя на золотистое свечение, добавил:

— Я возвращаюсь в патруль. Завтра. Как когда-то. В Пепельной Воронке. Со Шнырём. Мы будем защищать людей — не как правители, а как инквизиторы. Как те, кто стоит на страже закона. И я буду продолжать. До тех пор, пока жив. До тех пор, пока нужен. Обещаю.

Он повернулся и пошёл прочь от барьера. Его каменная левая рука висела мёртвым грузом, но его шаги были твёрдыми и уверенными. Потому что он сделал свой выбор. Он передал власть закону. Он построил систему, которая переживёт его. И теперь, впервые за долгое время, он был свободен.

— —

Конец главы

Глава 2. Свадьба Шныря (тихая глава)

Часть I. Приготовления

1

Утро началось не с холода, не с криков и не с дождя. Оно началось с запаха. Тонкого, едва уловимого, но такого знакомого, что Кай, ещё не открыв глаз, уже знал: сегодня что-то иное. Не тревога, не сигнал к бою, не запах гари или озона после недавней битвы. Нет — это был запах сушёных трав, которые заваривали в кипятке, чтобы получить подобие чая. Запах старой муки, из которой пекли лепёшки на раскалённых камнях. И ещё — едва заметный, почти неуловимый — аромат чего-то сладкого. Чего-то, что в лагере не появлялось уже много недель. Может быть, месяцев. Может быть, с самого начала.

Кай открыл глаза.

Солнце только начинало подниматься над руинами Пепельной Воронки, и его первые лучи, бледные и осторожные, касались каменных плит площади, окрашивая их в розовато-золотистые тона. Тучи, которые всю последнюю неделю висели над лагерем серым, тяжёлым покрывалом, наконец разошлись, и небо над головой было чистым и высоким — таким высоким, что, глядя в него, можно было на мгновение забыть о том, что где-то там, за Куполом, всё ещё ждут «Внешние». Где-то вдалеке, на восточной окраине лагеря, слышались голоса — не тревожные, не напряжённые, а какие-то другие. Оживлённые. Взволнованные. Почти весёлые.

Каменная левая рука, как всегда по утрам, лежала на груди мёртвым грузом. За ночь она остыла, и ткань рубашки вокруг неё покрылась тонкой корочкой инея, которая сейчас, под первыми лучами солнца, начинала таять, оставляя влажные разводы. Кай машинально потёр плечо правой рукой — привычный жест, ставший таким же естественным, как дыхание. Боль, тупая и ноющая, никуда не ушла, но сегодня она ощущалась как-то иначе. Не слабее. Но дальше. Словно тело, измученное неделями боёв, наконец решило дать ему небольшую передышку.

Он сел и оглядел площадь.

Лагерь просыпался. Но не так, как просыпался обычно — с угрюмой, вынужденной деловитостью людей, которые знают, что новый день принесёт новые проблемы. Сегодня в движениях людей, выбиравшихся из-под рваных тентов и разводивших костры, было что-то иное. Какая-то лёгкость. Какая-то почти забытая суета — не тревожная, а радостная. У фонтана уже собралась небольшая очередь, но люди не просто стояли с вёдрами — они переговаривались, перешёптывались, и в их голосах слышались нотки, которые Кай не слышал уже очень, очень давно. Смех. Настоящий, искренний смех.

— Ты опять не спал.

Голос Вейл прозвучал неожиданно близко, хотя Кай должен был ожидать его. Она всегда приходила в это время — на рассвете, когда лагерь ещё только просыпался и у них было несколько минут тишины до того, как начнётся очередной день. Но сегодня она появилась раньше обычного. Её лицо, всё ещё бледное и осунувшееся, было озарено слабой, но заметной улыбкой — той самой, которая появлялась у неё только в очень редкие моменты. Тёмные круги под глазами никуда не делись, но в самих глазах горел какой-то новый, непривычный огонёк.

— Ты тоже, — ответил Кай, и это была простая констатация факта.

— Я не спала, — призналась Вейл, опускаясь на обломок стены рядом с ним. — Но не потому, что работала. Потому что... не могла. Слишком много мыслей. Слишком много... волнения. — Она замолчала и посмотрела на площадь. — Ты чувствуешь это?

— Что именно?

— Атмосферу. Воздух. Он сегодня другой. Как будто... как будто мы все вдруг вспомнили, что мы не просто выжившие. Что мы — люди.

Кай не ответил. Он смотрел на площадь, на людей, на первых детей, которые выбежали из-под тентов и теперь гонялись друг за другом вокруг фонтана, и чувствовал то же самое. Что-то изменилось. Не в мире — мир всё ещё был разрушен, «Внешние» всё ещё ждали за Куполом, Цикл всё ещё не был остановлен. Но в людях. В их глазах. В их движениях. В их голосах. Словно кто-то повернул невидимый рычаг и переключил их с режима «выживание» на режим «жизнь».

— Это из-за свадьбы, — произнёс он наконец, и слово «свадьба» прозвучало в его устах почти чуждо. Так давно он его не произносил.

— Да, — кивнула Вейл. — Из-за неё. Шнырь сегодня женится. Ты можешь в это поверить?

Кай повернулся к ней и встретил её взгляд. Вейл смотрела на него с выражением, которое он не мог до конца расшифровать. Нежность? Удивление? Гордость? Всё сразу?

— Шнырь, — медленно произнёс он, пробуя это имя на вкус. — Тот самый мальчишка, который когда-то пришёл ко мне в подворотне с обрывком пиратского свитка. Тот самый, который боялся собственной тени и плакал, когда я выписывал штраф тётушке Маре. Тот самый, который прятался за спиной Грегора и не мог держать меч без того, чтобы не порезаться. — Он замолчал и покачал головой. — Женится.

— Женится, — подтвердила Вейл, и её улыбка стала шире. — На Лире. Ты знаешь её. Она из приюта. Та самая девочка, которая...

— Которая шила повязки для раненых во время битвы за Купол, — закончил Кай. — Я помню её. Тихая. Серьёзная. С такими глазами, как будто она видела слишком много, но не сломалась.

— Она и есть такая. — Вейл вздохнула. — Она потеряла родителей во время «Форматирования». Её взяли в приют, когда ей было тринадцать. Она почти не разговаривала первые несколько месяцев — просто сидела в углу и шила. Шила всё, что попадалось под руку: старые тряпки, обрывки ткани, куски кожи. Она говорила, что это помогает ей не думать. А потом... потом появился Шнырь. И она начала говорить. Сначала с ним. Потом с другими. И теперь...

— И теперь она выходит за него замуж.

— Да.

Они замолчали, глядя на площадь. Солнце поднималось всё выше, и его лучи, пробиваясь сквозь остатки утренней дымки, заливали руины мягким, золотистым светом. Вода в фонтане журчала, как всегда, и этот звук, такой простой и привычный, казался сегодня почти праздничным. Где-то вдалеке слышался стук молотков — это люди Дрейка, свободные от патруля, помогали сооружать что-то вроде импровизированного алтаря. И отовсюду доносился запах — тот самый, который Кай почувствовал, ещё не открыв глаз. Запах трав, муки и чего-то сладкого.

— Я никогда не думал, что доживу до этого, — тихо произнёс Кай, и его голос прозвучал странно беззащитно. — До свадьбы. До праздника. До... до чего-то хорошего.

— Я тоже, — ответила Вейл. — Но вот мы здесь. Сидим у фонтана. Смотрим, как люди готовятся к свадьбе. И... знаешь что?

— Что?

— Это правильно. Это очень, очень правильно.

Кай повернулся к ней и посмотрел долгим, изучающим взглядом. Затем его губы тронула слабая, едва заметная усмешка — та самая, которая была бледной тенью его прежнего юмора, но всё же была.

— Ты невозможная женщина, Вейл. Ты говоришь о свадьбе с таким же аналитическим подходом, с каким разбирала кандидатуры в Трибунал.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

Вейл тихо рассмеялась — негромко, но искренне, — и этот смех, такой редкий и такой ценный, смешался с журчанием воды и утренним гомоном просыпающегося лагеря. Кай смотрел на неё и чувствовал, как внутри него, где-то глубоко под слоями усталости, боли и памяти, разгорается что-то тёплое. Не обжигающее. Не яркое. А тихое, ровное, спокойное. Как пламя свечи, которое не может согреть, но может осветить темноту.

2

Часом позже Кай стоял у входа в один из немногих уцелевших домов на восточной окраине лагеря и ждал. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы залить улицы ярким, почти весенним светом, и в этом свете разрушенные здания выглядели не так мрачно, как обычно. Они всё ещё были развалинами — покосившиеся стены, провалившиеся крыши, выбитые окна, — но сегодня, в этом свете, в них чудилось что-то почти мирное. Почти обнадеживающее. Словно они тоже ждали чего-то хорошего.

Дверь — точнее, то, что от неё осталось, кусок дерева, кое-как прилаженный к дверному проёму, — распахнулась, и на улицу выскочил Шнырь. Он был босиком, в одной рубашке, и его волосы, обычно торчавшие во все стороны, были... причёсаны? Или, по крайней мере, кто-

то попытался их причесать. Его левая рука всё ещё была на перевязи — рана, полученная во время битвы за Купол, заживала медленно, — но он, казалось, совершенно забыл о ней. Его лицо, всё ещё покрытое остатками синяков, сияло такой смесью паники и радости, что Кай, увидев его, едва не рассмеялся.

— Господин Кай! — выпалил Шнырь, хватая его за здоровую правую руку. — Вы здесь! Я думал, вы забыли! Я думал, вы не придёте! Я думал...

— Шнырь, — спокойно произнёс Кай, кладя свою правую руку на плечо юноши. — Дыши. Медленно. Глубоко.

Шнырь послушно сделал вдох, потом ещё один. Его паника понемногу утихала, уступая место смущению.

— Простите, господин Кай. Я просто... я никогда раньше не... ну...

— Я знаю. — Кай убрал руку с его плеча и оглядел его с ног до головы. — Ты готов?

— Нет! — выпалил Шнырь. — То есть... да? То есть... я не знаю! А что нужно делать? А что говорить? А куда вставать? А...

— Шнырь.

— Да?

— Ты помнишь, как мы шли в Долину Отверженных? Ты помнишь, как ты стоял перед Марой и говорил с ней? Ты помнишь, как ты бросился на «Гарду», когда она пыталась убить меня?

Шнырь замолчал. Его глаза, широко раскрытые и полные паники, постепенно принимали более осмысленное выражение.

— Помню, — тихо ответил он.

— Тогда почему ты боишься свадьбы? Это не битва. Это не допрос. Это... это просто день. Хороший день. Один из тех, ради которых мы сражались.

— Но я... я не знаю, как быть мужем! — выпалил Шнырь, и в его голосе прозвучала такая искренняя, такая детская тревога, что Кай не выдержал и усмехнулся.

— Никто не знает, — ответил он. — Думаешь, я знал, как быть лидером, когда начинал? Думаешь, Дрейк знал, как быть свободным, когда он перестал быть аватаром? Думаешь, Итан знал, как быть... человеком, когда он вернул себе разум?

— Итан — аватар, а не человек.

— Он человек. В том смысле, который имеет значение. — Кай посмотрел Шнырю прямо в глаза. — Ты научишься. Не сразу. Не легко. Но ты научишься. Потому что ты — Шнырь. Тот самый мальчишка, который выжил в подворотнях Пепельной Воронки. Тот самый, который

стоял рядом со мной, когда все остальные отступили. Тот самый, который плакал на похоронах Лины, а потом встал и пошёл дальше. Если ты смог всё это — ты сможешь быть мужем.

Шнырь долго молчал, обдумывая его слова. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, выпрямился и посмотрел на Кая.

— Вы правда так думаете?

— Я не думаю. Я знаю.

Шнырь слабо улыбнулся — уголками губ, едва заметно, — но в этой улыбке было больше облегчения, чем во всех его предыдущих словах. Он глубоко вздохнул и разжал кулаки, которые, как только сейчас заметил Кай, были сжаты так, что костяшки пальцев побелели.

— Хорошо, — произнёс он. — Хорошо. Я... я справлюсь. Наверное.

— Справишься, — подтвердил Кай. — А теперь иди. Тебе ещё нужно одеться.

— Одеться? — Шнырь посмотрел на свою рубаху так, словно впервые её увидел. — А что не так с этой?

— Это твоя обычная рубаха, Шнырь. В ней ты ходишь каждый день. В ней ты сражался с «Внешними». В ней ты спал у фонтана.

— И что?

— Сегодня — не каждый день. Сегодня — твоя свадьба.

Шнырь открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Он понял. И когда он снова исчез за дверью, Кай остался стоять на улице один, глядя на поднимающееся солнце и думая о том, как странно устроена жизнь. Ещё несколько недель назад они хоронили Лину. Ещё несколько дней назад они хоронили Грегора. А сегодня — сегодня они празднуют свадьбу. И это не было неправильным. Это не было предательством памяти погибших. Это было продолжением. Продолжением жизни. И — возможно, только возможно — лучшим памятником тем, кто не дожил.

3

В дальнем конце лагеря, в одном из немногих зданий, которое сохранило не только стены, но и крышу, происходило другое приготовление. Здесь, в маленькой комнатке, которую женщины лагеря превратили в нечто вроде импровизированной гримёрной, готовилась к церемонии невеста.

Лира сидела на перевернутом ящике, заменявшем стул, и смотрела в осколок зеркала, который ей держала одна из женщин. Осколок был маленьким, треснутым, и отражение в нём было мутным и искажённым. Но Лира не замечала этого. Она смотрела не на своё лицо — она смотрела на платье.

Платье было... невозможно описать его иначе как чудо. Не потому, что оно было богатым — оно не было. Не потому, что оно было сшито из дорогой ткани — ткань была самой

простой, грубой, местами затёртой до дыр. Но оно было сшито с такой любовью, с таким старанием, с таким вниманием к каждой детали, что казалось почти живым. Лира работала над ним несколько недель, собирая обрывки ткани везде, где только можно: в разрушенных домах, на старых складах, в брошенных убежищах. Она распускала старые рубахи на нити, чтобы сшить из них новое полотно. Она красила ткань отварами трав, которые собирала в Пустошах. Она вышивала узоры по краям — не магические, не рунные, а просто красивые. Узоры, которые напоминали цветы. Цветы, которых она никогда не видела вживую, но о которых ей рассказывала мать — давным-давно, до «Форматирования», до Системы, до всего.

— Ты прекрасна, — тихо произнесла одна из женщин, и её голос дрожал от искреннего восхищения.

Лира не ответила. Она продолжала смотреть в осколок зеркала, и её глаза — серьёзные, тёмные, видевшие слишком много для своих семнадцати лет, — были полны слёз. Но это были не слёзы горя. Это были слёзы... чего-то другого. Чего-то, что она не могла выразить словами.

В комнату вошла Вейл. Женщины расступились, уступая ей место, и она подошла к Лире, остановившись у неё за спиной. Несколько мгновений она просто смотрела на неё — на это юное, серьёзное лицо, на это платье, сшитое из обрывков, на эти руки, которые так много работали и так мало отдыхали.

— Можно? — спросила Вейл, указывая на её волосы.

Лира молча кивнула.

Вейл взяла старый, потёртый гребень — один из немногих предметов роскоши, уцелевших в лагере, — и начала медленно, осторожно расчёсывать волосы Лире. Они были длинными, тёмными, слегка выющимися, и в них, несмотря на все усилия, всё ещё запутались крошечные кусочки ниток — свидетельства долгих часов, проведённых за шитьём. Вейл работала молча, и её движения были такими же точными и выверенными, как всегда — словно она не просто расчёсывала волосы, а выполняла важную, почти ритуальную задачу.

— Я помню свою свадьбу, — тихо произнесла она, и Лира вздрогнула от неожиданности. Вейл никогда не говорила о своём прошлом. — Это было очень давно. Задолго до Системы. Задолго до всего этого. — Она замолчала, продолжая расчёсывать волосы. — Мой муж... его звали Калёб. Он был кузнецом. Мы поженились весной, когда цвели яблони. У нас не было денег на пышную церемонию, но его друзья принесли вино, а мои подруги испекли пирог. Мы танцевали до рассвета. А потом...

Она замолчала, и гребень на мгновение замер в её руке.

— А потом пришла Система, — тихо закончила Лира.

— Да. А потом пришла Система.

Несколько минут в комнате стояла тишина, нарушаемая только тихим шорохом гребня. Затем Вейл продолжила, и её голос был спокойным и ровным — таким же, как всегда.

— Я рассказываю тебе это не для того, чтобы напугать. Я рассказываю это, чтобы ты поняла: счастье — это не то, что можно отложить на потом. Его нельзя запереть в сейф и открыть, когда мир станет безопаснее. Мир никогда не станет безопаснее. Всегда будет что-то — «Внешние», мародёры, голод, болезнь, страх. Если ждать идеального момента, ты никогда не выйдешь замуж. Никогда не родишь детей. Никогда не будешь счастлива.

Она закончила расчёсывать волосы и, собрав их в простой, но изящный узел, закрепила его старой, потёртой лентой — единственным украшением, которое она смогла найти.

— Счастье — это выбор, Лира. Выбор, который ты делаешь каждый день. Несмотря ни на что. — Она положила руки на плечи девушки и встретила её взгляд в осколке зеркала. — Ты делаешь этот выбор сегодня. И это самый смелый поступок из всех, что я видела.

Лира медленно, словно во сне, подняла руку и коснулась ленты в своих волосах. Её пальцы дрожали, но лицо было спокойным и решительным.

— Я не боюсь, — тихо произнесла она. — Я... я люблю его. И я хочу быть с ним. Даже если завтра конец света. Даже если весь мир рухнет. Я хочу, чтобы он знал: я здесь. Я с ним.

— Он знает, — ответила Вейл. — Он всегда знал.

4

Тем временем на центральной площади у фонтана кипела работа. Люди, которые ещё вчера занимались восстановлением баррикад и сортировкой продовольствия, сегодня превратились в декораторов, поваров и организаторов праздника. И пусть их ресурсы были скудны до смешного — обрывки ткани, осколки стекла, несколько чудом уцелевших светильников, — они вкладывали в приготовления всю душу.

Дрейк стоял в стороне и наблюдал. Его лицо, покрытое шрамами, было, как всегда, мрачным и непроницаемым, но в его позе, в том, как он скрестил руки на груди и слегка склонил голову набок, чувствовалось что-то, похожее на... удовлетворение? Или, возможно, на тихую, сдержанную гордость.

— Никогда не думал, что увижу такое, — произнёс он, когда Кай подошёл и встал рядом.

— Свадьбу?

— Праздник. Настоящий праздник. Не передышку между боями, не короткую паузу, чтобы перевести дух, а... — он замолчал, подбирая слова. — А что-то хорошее. Что-то, ради чего стоит жить.

Кай проследил за его взглядом. У фонтана женщины расстилали на каменных плитах старые, но чистые одеяла — импровизированный пиршественный стол. Дети, которых отрядили помогать, расставляли на этих одеялах миски и кружки — не новые, не красивые, многие с трещинами и сколами, но тщательно вымытые и даже, кажется, натёртые до блеска. Старый пекарь, один из немногих выживших после «Форматирования», раскладывал на большом плоском камне лепёшки — те самые, запах которых Кай почувствовал утром. А в центре всего этого, на самом почётном месте, стояла небольшая банка. Самая обычная жестяная банка,

какие раньше использовали для консервирования фруктов. Но её содержимое было чем-то невероятным — целые половинки персиков в сиропе, найденные кем-то в разрушенном подвале и прибережённые специально для этого дня.

— Консервированные персики, — произнёс Дрейк, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на благоговение. — Я не видел консервированных персиков с тех пор, как был человеком.

— Ты и сейчас человек.

— Ты понимаешь, о чём я.

Кай понимал. Консервированные персики были не просто едой. Они были символом. Символом мира, который был утрачен. Символом изобилия, которого они никогда не знали. Символом надежды на то, что однажды — возможно, через много лет — такие вещи снова станут обыденностью. И то, что кто-то решил не съесть эту банку в одиночку, не продать её за оружие или медикаменты, а приберечь для свадьбы какого-то мальчишки, — это говорило о людях больше, чем любые слова.

— Ты будешь свидетелем? — спросил Дрейк, не оборачиваясь.

— Да. Шнырь попросил меня.

— Хорошо. — Дрейк кивнул. — Это правильно. Ты — единственный, кто подходит. Грегор был бы... — он осёкся и замолчал.

— Да, — тихо ответил Кай. — Был бы.

Они стояли молча, глядя на приготовления. Солнце поднималось всё выше, и его лучи, отражаясь от воды в фонтане, создавали на каменных плитах причудливую игру света и тени. Где-то вдалеке, на северном периметре, часовые несли свою обычную вахту — жизнь не останавливалась, угроза не исчезала, — но здесь, в центре лагеря, царила атмосфера, которую Кай не мог назвать иначе как «мирной». Впервые за долгое время.

5

В маленькой комнатке на восточной окраине лагеря Шнырь, наконец одетый в чистую рубаху и относительно целые штаны, стоял перед Итаном и безуспешно пытался заставить свои волосы лежать ровно.

Итан, чьё тело было покрыто хитиновыми пластинами и чьи когтистые пальцы, казалось, совершенно не подходили для тонкой работы, наблюдал за этими мучениями с выражением, которое у человека можно было бы назвать «сдержанное веселье». Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и его серые глаза, единственное, что осталось человеческим в его лице, смотрели на Шныря с нескрываемой теплотой.

— Тебе нужна помощь, — произнёс он наконец, и это был не вопрос.

— Нет! — ответил Шнырь, пытаясь пригладить особенно упрямый вихор. — Я сам! Я взрослый! Я женюсь сегодня!

— Именно поэтому тебе нужна помощь. — Итан оттолкнулся от косяка и подошёл ближе. Его движения, как всегда, были плавными и неестественными, но в них не было угрозы. — Сядь.

Шнырь хотел возразить, но осёкся. Он знал этот тон. Это был тот самый тон, которым Итан разговаривал со своими аватарами перед боем — спокойный, уверенный, не терпящий возражений. И, несмотря на всю свою браваду, Шнырь сел.

Итан взял со стола тот самый старый гребень, который Вейл использовала для Лиры, и начал расчёсывать волосы Шныря. Его когтистые пальцы, способные разорвать плоть «Внешнего» одним движением, сейчас работали с удивительной, почти нежной осторожностью. Шнырь сидел молча, и его плечи постепенно расслаблялись.

— Я помню свою жену, — тихо произнёс Итан, и его голос, низкий и хриплый, прозвучал в тишине комнаты как-то особенно весомо. — Её звали Элис. Мы поженились в маленькой деревне к югу отсюда. У нас не было ни денег, ни связей, ничего. Но у нас были мы.

Шнырь не ответил. Он знал историю Итана — о том, как Система убила его жену и превратила его самого в монстра. Знал и не хотел беречь старые раны. Но Итан, казалось, сам хотел говорить.

— Я думал, что никогда больше не увижу ничего хорошего, — продолжил он, продолжая расчёсывать волосы Шныря. — Когда я стал аватаром, когда меня использовали как оружие, когда я убивал людей, не осознавая этого... я думал, что моя жизнь кончена. Что я — монстр. Что для меня нет будущего. — Он замолчал и перевёл дух. — Но потом пришёл Кай. И ты. И все остальные. И вы показали мне, что даже монстр может стать кем-то иным. Что даже после всего, что я сделал, я могу... искупить. Не забыть. Не стереть. Но искупить.

Он закончил расчёсывать волосы и, отступив на шаг, оглядел свою работу. Волосы Шныря, всё ещё не идеальные, теперь по крайней мере лежали более-менее ровно.

— Ты не монстр, Шнырь, — произнёс Итан, и его голос прозвучал с той особой, выстраданной твёрдостью, которая бывает только у тех, кто прошёл через ад и вернулся. — Ты — человек. Хороший человек. И сегодня ты станешь мужем. Это... это больше, чем я мог бы надеяться для себя. Но для тебя — это правильно. Это то, что должно быть.

Шнырь поднялся на ноги и повернулся к Итану. Его глаза, всё ещё по-мальчишески широко раскрытые, смотрели на бывшего аватара с выражением, которое трудно было расшифровать. Благодарность? Смущение? Или, возможно, что-то более глубокое?

— Господин Итан, — тихо произнёс он. — Вы... вы самый лучший друг, который у меня когда-либо был. После господина Кая и госпожи Лины. И я... я хочу, чтобы вы знали: если бы не вы, я бы, наверное, не справился. После того, как погибла госпожа Лина, после того, как погиб господин Грегор... вы были тем, кто верил в меня. Кто говорил, что я смогу. И я... я не знаю, как вас благодарить.

Итан долго молчал, глядя на Шныря. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, положил свою когтистую руку на плечо юноши.

— Ты благодаришь меня тем, что ты здесь, — произнёс он. — Тем, что ты жив. Тем, что ты женишься. Тем, что ты строишь будущее — не только для себя, но и для всех нас. Это всё, о чём я мог просить. Это больше, чем я заслуживаю.

Они стояли так несколько мгновений — бывший монстр и бывший уличный мальчишка, два существа, которых Система должна была уничтожить, но которые выжили вопреки всему. Затем Итан убрал руку и указал на дверь.

— Иди. Тебя ждут.

Шнырь глубоко вздохнул, выпрямился и направился к выходу. Его плечи были расправлены, его шаги — твёрдыми и уверенными. И когда он вышел на залитую солнцем улицу, он больше не был мальчишкой.

6

Церемония началась в полдень, когда солнце стояло в зените и его лучи, падая на центральную площадь, заливали всё вокруг ярким, почти ослепительным светом. Это было то самое место, где они проводили первые форумы, где судили Коллекторов, где хоронили Лину, где принимали Конституцию и где избирали Трибунат. Место, которое видело столько боли, столько слёз, столько прощаний — теперь должно было увидеть что-то иное.

Площадь была заполнена людьми. Все, кто мог ходить, пришли сюда. Все, кто не мог, просили, чтобы их принесли. Раненые, всё ещё забинтованные после битвы за Купол, сидели на ящиках и одеялах, и их лица, бледные и измождённые, озарялись слабыми, но искренними улыбками. Дети, которые ещё недавно прятались в убежищах от «Внешних», теперь бегали между рядами, и их смех разносился над площадью, как звон маленьких колокольчиков. Старики, пережившие падение Системы, смотрели на всё это с выражением тихого, выстраданного удивления — словно они не могли поверить, что дожили до такого дня.

У фонтана, на том самом месте, где обычно стоял Кай, обращаясь к толпе, теперь был сооружён импровизированный алтарь. Не религиозный — среди выживших было слишком много разных вер и убеждений, чтобы выбрать что-то одно, — а символический. Простой деревянный ящик, накрытый чистым куском ткани. На ящике лежал Кодекс — та самая книга, которую Лина спасла ценой своей жизни. Рядом с Кодексом стояла та самая банка с консервированными персиками — символ изобилия, которое они надеялись однажды обрести. И вокруг этого алтаря, образуя полукруг, стояли гости.

В первом ряду сидели члены Трибуната — Вернер, Итан и Бирма. Вернер, в своей обычной, слегка потрёпанной мантии, нервно тербил край рукава и то и дело поправлял очки. Итан, чьё тело, покрытое хитиновыми пластинами, тускло блестело в солнечном свете, стоял неподвижно, но его серые глаза, устремлённые на алтарь, горели теплом. Бирма, чьё лицо, грубое и обветренное, было, как всегда, суровым, сидела с прямой спиной, но уголки её губ, если присмотреться, были едва заметно приподняты.

Рядом с ними стоял Дрейк. Он, как всегда, держался в стороне, скрестив руки на груди, но его поза была не напряжённой, а скорее... умиротворённой. Он был одет в свою обычную боевую форму, но на его поясе, рядом с мечом, висел маленький букетик засушенных трав — подарок от одной из женщин лагеря, которая настояла, чтобы он «выглядел празднично». Дрейк ворчал, но букетик принял.

Арик стоял рядом с Вернером, и его левая рука, всё ещё немного длиннее правой после контакта с «Искажающим», лежала на плече молодого разведчика, который нервничал не меньше Шныря. Томас и Элиас держались за руки, как всегда, и их лица, обращённые к алтарю, выражали тихую, сосредоточенную радость. Даже Гурт, тот самый шахтёр, который когда-то пытался линчевать пленных Коллекторов, стоял в толпе и улыбался — неуклюже, смущённо, но искренне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.